

Без самоидентификации не могут существовать ни культура, ни ее носители. Прошли времена “европейских” мыслителей, “христианских” писателей, “универсальных” космополитических гениев... Наше время — это время тщательно пронумерованных культурных домов, и статус культурных приживал незавиден.

Можем ли мы, живя в Израиле и отождествляя себя с ним, идентифицировать себя как “русские по культуре”? Вряд ли. Декларативная “русскость” некоторых неместных евреев, а также их “универсализм” и “интернационализм” на самом деле являются лишь маскировочными цитатами культурного паразитизма. Лишенные национального самосознания паразиты обвивают стволы национальных культур: сегодня это будет русский ствол, завтра немецкий, французский или американский — паразит, как известно, растение универсальное. Мы же не для того совершаем процесс самоопределения, чтобы остаться при сомнительной самозванной идентификации.

Если мы не “русские по культуре”, то быть может мы “евреи по культуре”? Тоже нет. И не только потому, что у нас не было “еврейской культуры” в России, но и потому, что в Израиле не существует единой

Нелли Гутина

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

(доклад, прочитанный на симпозиуме “Русскоязычная культура в Израиле”)

“еврейской” культурной идентификации. В Израиле вчерашние жители Москвы или Триполи, потомки первых поселенцев и выходцы с Аравийского полуострова договорились между собой, что все они — евреи. Но у всех у них разные культурные корни, и по этим корням произошла культурная селекция.

Это заставляет нас задать себе ряд абстрактных теоретических вопросов: по каким критериям мировая культура выдает “удостоверения личности”? Какими критериями определяется творческая идентификация тех, кто причастен к литературному творчеству?

С этой точки зрения интересно подойти к проблемам африканских писателей. Элита африканских стран лишена родного языка и шансов на его быстрое развитие. Африканские писатели пишут по-французски или по-английски.

Читателей — а также издателей — они находят где-то в Европе, а от своих естественных читателей отделены языковым барьером. Разумеется, это ненормальное положение порождает множество творческих и психологических проблем. Но для нас африканский культурный парадокс интересен полным отсутствием связи между языком и культурной идентификацией. Несмотря на прекрасный французский язык (и незнание арабского) и полную освоенность во французской культуре, никто не назовет алжирского писателя и поэта Малека Хаддада “французским писателем”, да и ему самому не придет в голову причислять себя к французской культуре.

Справедливо полагая, что единственный надежный критерий идентификации — национальное самосознание, то самое самосознание, которое позволяет африканским “англофонам” и “франкофонам” отождествлять себя со своей страной и континентом, мы идентифицировали себя как “израильяне”, а те, кто причастен к литературному творчеству — как “израильские писатели”. “Русскофоны”, если угодно.

В этой попытке “исраэлизации” мы тут же уткнулись в стену иврита. В двери Союза израильских писателей долгие годы безуспешно стучали пишущие на идиш. По-арабски. По-русски. Перед каждым новоприбывшим писателем стоял невероятный пример Эфраима Кишона. Приехал в страну. Овладел ивритом. Стал израильским писателем. Приобрел международную известность. Исраэлизация только через ивритизацию.

А между тем дело было не только в иврите. За израильской литературой стояли культурная революция, заселение земель, подполье, независимость, военный эпос, археология и мифы. Наша

коллективная память была забита совсем другим. С этого началась наша культурная драма. Оторвавшись от русского берега, отдаленные от израильского, по крайней мере, несколькими поколениями, мы оказались на “ничейной земле”.

Опоздав на израильский “Дикий Запад”, мы зато успели как раз на “этнический фестиваль”. В самоидентификации наступило некоторое прояснение. Израильский народ состоит из этнических групп “марокканцев”, “йеменитов”, “поляков”, “русских” и других. Идентификация “израильтяне” остается только за коренным меньшинством. Оно же имеет монополию в установлении культурных норм, но становится более терпимым к “этносу”. Каждая этническая группа остается при своем фольклоре, традициях и культурных корнях. Все они претендуют на включение в израильскую культуру, которая вдруг открыла для себя радости “плюрализма”. Израильские фольклорные ансамбли пляшут хору, но потом меняют юбки на шароварчики, и прыжки сменяются изящным йеменитским шагом. Потом йеменитский шаг переходит в краковяк и польку, потом надевают черные брючки, наклеивают бородки и пляшут хасидское. Потом... В общем, дружба народов. То есть дружба народа. Потому что мы один народ. Расфасованный согласно культурным корням. Корни все стараются беречь.

Однажды в популярной телевизионной программе появилась некая хранительница традиций и корней из марокканской общины — исполнительница танца живота. Уроженка Израиля, она с пятилетнего возраста практикуется в танцах живота, совершенствуясь при помощи египетских киноленок. Сбросив меховое мантио, оставшись в блестящих тарелочках на груди и в прозрачных вуалях, ниспадающих между ног, она довольно профессионально исполнила свой номер. Но тех, кто видел тот же танец в Египте, не проведешь: “Ты думаешь, твой танец эротичен?” — спросил ведущий с великим сомнением в голосе, потому что от ее исполнения веяло холодом иерусалимского камня. “Немножко”, — ответила она. “Мне казалось, — продолжал ведущий, — что для танца живота нужно быть немного потолще”. “Ерунда, — ответила танцовщица, — просто египтянки склонны к полноте”. В комплектации ли тут было дело или в чем другом, но ведущий был озадачен даром: эта дама, высокая, светловолосая, с легким французским акцентом, в роли восточной танцовщицы выглядела совершенно не АУТЕНТИЧНО.

Мы — тоже. В роли представителей и носителей русской куль-

туры. Потому что, пока марокканцы танцевали танец живота, мы писали романы на русскую тему и сочиняли стихи о березах. Ни танцы живота, ни стихи про березы в израильскую культуру не вошли.

Израильские почвенники отнеслись к этническому фестивалю как к культурной контрреволюции. Марокканцев призывали не отмечать их праздник "Мимону", потому что этот праздник возник вне страны; другие этнические группы, в том числе и нас, просто игнорировали. "Эта страна будет принадлежать тем, кто сумеет ее воспеть, — писал известный публицист и писатель Амос Кенан. — Можно воспеть ее на разных наречиях, но ее, а не Москву или Касабланку!"

Постепенно "этнос" начал претерпевать изменения. Йеменитские певцы стали меньше петь про любовь, свадьбу и раввина Шабази. Под бубны, пританцовывая и чувственно извиваясь, они пели: "В нашей стране на праздник независимости поднимем наш флаг" (не слышали? "Бемэдинатэйну бе хаг ацмаутейну нарим эт дгалатейну"). Это уже была этническая по форме, израильская по содержанию культура. Это что-то напоминало. Мы тоже ринулись творить свою русскую по языку, израильскую по содержанию культуру. Рецепт прост, надо одни идеологические признаки заменить другими. Например, русский журнал назвать "Сион", что должно указывать на его "израильскую" принадлежность. Или уточнить географические координаты. Скажем, издательство будет называться "Москва — Иерусалим", чтобы ясно было откуда — и куда.

Добавить немного еврейского универсализма: "Время", то как же без "Мы"? В произведениях такой культуры на Голанских высотах начинается Вторая мировая (Великая Отечественная?) война. На пляжах Эйлата разыгрывается горьковская драма. А перипетии Мастера и Маргариты продолжают в Иерусалиме.

Но национальное самосознание не подменишь декларативным патриотизмом, а культурную идентификацию — формальными атрибутами национальной — или этнической — культуры. Прием не удался там, не удался и здесь. Ни йеменитские бело-голубые напевы, ни наши произведения на "местную тему" частью израильской культуры не стали.

Тем временем культура коренного меньшинства становится все более почвеннической, охранительной, закрытой. Эфраима Кишона перестают читать в Израиле, но зато запоем читают в Германии — и

говорят, что в переводе на немецкий его произведения звучат лучше, чем на иврите. Некоторые израильские литературоведы утверждают, что Кишон все-таки писатель немецкий — несмотря на то, что пишет на иврите, на изучение которого потратил столько усилий, что “их вполне могло хватить на то, чтобы стать ядерным физиком” (по выражению самого Кишона). Ивритизация больше не является гарантией истраэлизации.

Где же критерии культурной идентификации? Можно ли, перефразируя Сартра, сказать: “Израильский — русский, французский, немецкий — писатель — это тот, кто себя таковым считает”? Хорошо Эткинду, хорошо Копелеву... Они — могут. У них — никаких проблем с идентификацией. Им бы только выяснить отношения с коренными русскими — кто любит, кто нет, кто “фил”, а кто “фоб”. Нам бы их заботы. Вот если б они шлепнулись, как мы, о свою землю, то знали б, что такие понятия, как корни, национальная история и почва — это не уловки, якобы изобретенные русскими “шовинистами” специально против них.

Быть может, вопрос творческой и культурной идентификации является второстепенным? Сторонники тезиса о “всеобщности” культуры утверждают, что Писатель, Художник, Творец — это имя собственное и не суть важно, какое национальное прилагательное его сопровождает. Культурная ценность творчества и качество его продукта само по себе освобождает его носителя от предъявления культурного паспорта — любая национальная культура предоставит ему убежище. Действительно, американская культура приняла русского Набокова. Но обрел ли сам Набоков культурный дом? Его постоянная озабоченность проблемой творческой самоидентификации — явное доказательство того, что ни мировая слава, ни величина таланта, ни даже обретение нового культурного дома не освобождают от мучительных вопросов: “Кто я? Откуда? Куда?” Творчество — это личное достояние художника, которое он хочет завещать своим истинным культурным наследникам. Вполне законно встречное стремление национальной культуры сохранить “семейное достояние”. Советская культура равнодушна к определению Набокова как “американского писателя” (Британская энциклопедия). Русская культура это когда-нибудь оспорит.

Кроме всего прочего, талант — не воздушный шар, витающий в разреженной атмосфере космополитизма, а растение укорененное, и национальная почва — необходимое условие для его произрастания. Русские эмигранты недаром жалуются на творческое уя-

дание в ностальгических оранжереях. У нас тоже дела обстоят не лучше. У нас сплошь и рядом страдают распадом творческой личности — одной ногой там, другой здесь, чаще всего причисляя себя к “экстерриториальной” общине “пишущих по-русски”. У нас совершаются отчаянные попытки переправиться на израильский берег на пароме перевода, но, увы, — переправлять нечего. Культурная деятельность нашей общины напоминает невозделанное поле, где среди трупов творческих самоубийц пышно произрастает творческий бурьян.

Стукнувшись лбом об ивритскую стену, запутавшись в лабиринтах самоидентификации, когда еврейскости — нет, израэлизации — нет, и этничности — тоже нет, когда все подходы к израильской культуре упираются в тупики, оглянемся назад на покинутые культурные берега. Легко и удобно обвивать могучий ствол богатой культуры. И тяжело пускать корни в неподатливой почве. Но паразиты могут расцветать пышным цветом, лишь когда национальная культура переживает период империалистической экспансии, захватывая чужие культурные пространства. Они неизбежно отцветают в период возвращения национальной культуры к своим собственным истокам — что и происходит сейчас в России. Поэтому для нас пути назад нет. Нам маячат другие культурные берега. Оттуда тянет запахом нашей почвы.

Пока мы бродим почти впустую в лабиринтах идентификации (такова цена несколько затянувшихся блужданий — и заблуждений — наших предков), кое-кто нащупывает очередные лазейки. Лично для меня выход из темных лабиринтов освещен так называемым “марокканским” искусством Шломо Бара. Бар поет и рассказывает о своем детстве в марокканской деревне и о своих предках; о том, как приехал в новую страну и пытался уйти от себя, быть не тем, кто он есть, а кем-то другим; как вернулся назад к себе, но переосмыслив свое прошлое и корни. Свой ансамбль он назвал “Естественный выход” (он же “естественный отбор”), а программу “Связующая нить”.

Он поет о том, как трудно найти себя в новой жизни, адаптироваться в новых условиях и какую при этом приходится платить цену; он рассказывает о многодетных семьях, преступности, социальной несправедливости. Бар не рядится в фольклорные одежды, а синтезирует восточное с западным, привозное с местным, хасидское смешивает с индусским, стихи поэтов из марокканской общины перевел на иврит, а Альтермана поет на мароккан-

ский лад. Он строит из всех имеющихся в израильской культуре элементов, и весь Израиль пришел посмотреть на его эксперименты. Старый добрый израильский патент: строй страну — и себя в ней; твори культуру — и себя в ней; создавай — перевоссоздаваясь. Вот он, “естественный выход” из лабиринта, вот она, “связующая нить” общей идентификации! Рецепт Бара прост, но требует терпения: бери марокканскую культуру; подрежь корни; пересади на израильскую почву; привей ей несколько местных культур; дождись новых побегов; отрежь, привей к израильскому стволу... И так, медленно, постепенно — целый ботанический сад мутаций, целый народ мутантов. И происхождение указано на табличке: “Культура “Мимона”. Родина — Марокко. В Израиль завезена в 1956 году. Претерпела ряд мутаций, прежде чем окончательно привиться на израильской почве”. Выход Бара более “естественный”, чем метод академика Лысенко, предлагаемый израильскими почвенниками: возьми семена ячменя, посади в израильскую почву, поливай волшебной водой из местных колодцев — получишь пшеницу. Самое удивительное, что здесь это однажды получилось. Очевидно, в теории Лысенко все-таки что-то было. Беда в том, что культурные революции не происходят так часто...

И потому — “Естественный выход”. Место танцам живота — на марокканских вечеринках, место песен под Высоцкого — на русских сборищах. И тем, и другим предстоит медленная смерть в этнических гетто. В суровом климате израильской культуры выживают только мутации. И потому отделимся от паразитов, стряхнем увядшие листья ностальгии — и будем терпеливо ждать новых побегов.

“Только группа, обладающая богатой коллективной памятью и выжавшая ее в творчестве, готова к плюралистическому контакту с другими источниками”, — утверждает израильский специалист по общинной и этнической социологии д-р Ионатан Перес.

Вероятно, он прав. Потому вернемся домой и разберем наконец, наш до сих пор пребывающий в беспорядке культурный багаж. Где корни, где память и где то самое творчество?

В отличие от восточных общин, которые зачастую были ассимилированы в странах их прежнего проживания на органическом уровне, мы были затронуты руссификацией, но не проникнуты духом. Мы были ассимилированы только определенной урбани-

тической прослойкой. Ни мы, ни наши предки хороводов не водили, в сарафанах не расхаживали и частушки не распевали. Поэтому мы не завезли сюда никакого русского фольклора (то, что определенные элементы этого фольклора были завезены сюда лет сто назад и легли в основу культуры коренного меньшинства — это совсем другая и не “наша” история). Наша “этничность” — это не песни и пляски, а литературные вечера и толстые журналы.

У нас есть также богатая коллективная память, которая сно-ва отфутболивает нас к русской литературе.

На первый взгляд. Потому что еще не ясно, насколько культурная традиция русских евреев является “русской”.

Евреи в России и в СССР в своем творческом самовыражении пользовались двумя языками. Один из них — европейский язык идиш, второй — русский. Оба эти языка не имеют отношения к современной израильской культуре. Но оба ОНИ — и в равной степени — имеют отношение к культурной традиции русских евреев. Один из этих языков — идиш — сам по себе служил признаком идентификации на низшей досионистской ступени национального самосознания, на втором были написаны лучшие образцы сионистской публицистики. В промежутке между этими двумя ступенями были евреи, которые писали на идиш, автоматически выйдя из сферы русской культуры, и евреи, которые писали по-русски, автоматически попав в сферу русской культуры. Например, Бабель несет в себе явные признаки еврейской идентификации (даже “русскость” его языка когда-нибудь оспорят русские литературоведы). Бабель не был сионистом. Шолом-Алейхем — тоже: оба они находились на низшей ступени национального самосознания. Возможно, чаша русской словесности отстоится во времени, и тогда будет ясно, кто имеет отношение к русской культуре, а кто — к культурной традиции русских евреев. Сейчас на российском горизонте появились благоприятные тенденции в лице русских националистов, Истинный национализм, с его органическим чутьем своего коренного начала, антиимпериалистичен по своей сути. Не исключено, что русская национальная культура в конце концов отбросит все то, что с такой жадностью заглотала культура советская. В таком случае при разделе наследства, оставшегося после советской культурной империи, в выявлении наших корней наступит некоторое прояснение. Если при этом кто-то захочет естественный химический процесс отделения масла от воды назвать “антисемитизмом” — пусть себе занимается игрой

слов. Мы же не для того совершаем процесс культурного самоопределения, чтобы заниматься инфантильным выяснением отношений. Справедливого распределения наследства — вот чего мы хотим.

Возможно, выявив свои собственные культурные корни и развивая культурную традицию русских евреев здесь, мы сможем перевоссоздать ее в новых условиях и “сварить” такой продукт этнической культуры, который будет потребляться на общем израильском уровне. Здесь мне бы хотелось внести поправку в высказанное д-ром Пересом мнение, будто общинная культура не может успешно развиваться при отсутствии контактов с той более широкой культурой, внутри которой она произросла (д-р Перес имел в виду при этом общинную культуру восточных общин и ее связь с мусульманским миром).

Действительно, общинная АУТЕНТИЧНАЯ культура не может развиваться сама по себе. Но общинная МУТАЦИОННАЯ культура может развиваться, и развивается самостоятельно. Культура эмиграции не может существовать без связи с метрополией, культура иммигрантов — может.*

Может, но не обязана. Отдельность идентификации не исключает ни контактов, ни даже влияния. Именно отдельность предполагает культурный обмен, тогда как симбиоз делает его бессмысленным. Даже в обмене коммерческом — этой наиболее космополитической сфере человеческих отношений — универсально потребляемые продукты несут на себе национальные печати, и, если американские джинсы превратились в интернациональную униформу, печать их “идентификации” не стирается. То же и в культуре. Что может быть более итальянским, чем фильмы Феллини, и более русским, чем романы Достоевского? Только тщательно вываренные в национальном бульоне продукты могут быть усвоены интернациональной кухней.

Наша мутационная культура, когда она возникнет, может быть только заинтересована в культурном обмене с русской культурой.

* У нас время от времени появляются первые ростки мутаций. Мне кажется, ярким примером попытки создать нашу мутационную культуру можно назвать книгу Ю. Милославского “Укрепленные города”. К сожалению, всякие ростки нуждаются в поливке. У нас нет литературной критики, которая могла бы выполнять эту важную роль. Если бы наши профессора-слависты чуть внимательнее отнеслись бы к мутации, вместо того чтобы с трибуны симпозиумов призывать к ивритизации — с русским акцентом, — то у нас, возможно, было бы больше мутантов.

Под русской культурой мы имеем в виду русскую национальную культуру — в СССР и в эмиграции, а не советскую культуру в СССР и даже в эмиграции (потому что даже антисоветская по идеологии культура может быть советской по сути). Против многолетних попыток подменить национальное самосознание идеологией, а национальную идентификацию формальными атрибутами русская культура выработала ряд мер самозащиты. Одни русские литераторы решают проблему отделения русской идентификации от советской — эмиграцией, другие уходят в деревенское "подполье". Советская культура провинциальна и бесперспективна в плане культурного обмена, русская же культура — в СССР и в эмиграции — является девственной землей мировой культуры, куда не достиг ледник урбанизации и американизации. Мы далеки от мыслей завозить сюда "русскую культуру в целлофановой упаковке", но израильская культура, остро реагирующая на угрозу американизации, действительно нуждается в некоторых уравновешивающих веяниях. Проводники чуждых влияний здесь — это на самом деле те лауреаты Нобелевских премий, которые, временно покидая свои Бруклины или Манхеттены, приезжают побродить иерусалимским холмам.

И наконец, определив себя русскоязычными мутантами в израильской культуре, выберемся ли мы из лабиринтов идентификации? Нет. Вся израильская культура и в первую очередь задающее тон коренное меньшинство тоже бродят в лабиринтах. Нам остается только ухватиться за руку того, кто явился до нас и который сам держится за руку того, кто его опередил, и идти цепочкой, пока тот, кто впереди, не увидит свет.

КНИГОТОВАРИЩЕСТВО "МОСКВА—ИЕРУСАЛИМ"

Нина Воронель. "Прах и пепел" — пьесы о жути советского бытия, его абсурдной свирепости и ошеломляющей нищете; вошедшие в сборник пьесы поставлены на израильском и британском телевидении, экранизованы в немецком кино и поставлены в Израиле и США.

Цена 8 долл. (в Израиле — 250 шек.)

"Foundation Moscow—Jerusalem", P. O. B. 7045, Ramat-Gan, Israel.